

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рай

КОГДА ПРЕДАЮТ
самые близкие

Елена Рай

Когда предают самые близкие

<https://litres.ru/73822359>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Когда? — не узнаю собственный голос, словно из него ушла вся жизнь.

— Валь — муж прикрыл глаза.

— Когда всё началось? Видел ли вас Ромка? — мысленно прощупываю каждый прожитый день.

— Чушь, — горько усмехнулся он. — Чушь

— Так видел — или нет?..

— Она пришла поддержать, когда ты была на сохранении, — бесцветными губами пошевелил он. — Я сразу понял свою ошибку и Я понял, Валь. Осознал.

— Тогда чуть не умерла, а ты А ты.

Когда предают самые близкие — больно.

Когда каждая счастливая минута отравлена ядом лжи — грань.

Когда была вера, что за спиной надёжный человек — пропасть.

Когда наступил новый день — пришло осознание, что никто не может обещать «вечность».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Рай

Когда предают самые близкие

Глава 1

*Когда-нибудь я открою дверь,
За ней не будет той боли прошлых дней.
Когда-нибудь я посмотрю в твои глаза,
А в них не будет столько льда.
Когда-нибудь я услышу твоё тихое «прости»,
Оглянувшись, улыбнусь.
Когда-нибудь я отвечу тебе «прощаю»,
Увы, не обещаю.*

Валентина

— Наташа, как она? С ребёнком всё будет хорошо? — слова вырвались сами собой, хотя я понимала, что уже не обязана интересоваться состоянием доставленной в гинекологическое отделение пострадавшей от наезда электросамоката. Сердце сжималось от тревоги, словно это была моя собственная боль. Ведь жизнь — она начинается не с первого вдоха, а гораздо раньше. Когда в утробе матери бьётся маленькое сердечко, когда родители выбирают имя и разгова-

ривают с малышом, ожидая его появления.

Когда, когда, когда...

Сотникова поджала губы, превратив их в тонкую бледную линию.

— Много крови, — произнесла она наконец. — Я не Бог, чтобы давать обещания.

— Я понимаю, — отвела взгляд, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Всё понимаю.

— Мы вводим кровоостанавливающие и магнезию, — женщина шумно вздохнула, её рука машинально поправила стетоскоп на шее. — Но родоразрешать ещё рано — лёгкие плода не раскроются даже под действием гормонов.

— Ясно, — судорожно вздохнула, не в силах оторвать взгляд от бурых пятен на подножке скорой помощи.

— Она твоя... — в голосе Наташи послышалась искренняя тревога.

— Нет, — покачала головой, капитально теряя над собой контроль. Слезы обжигают роговицу как кислота. Воспоминания как маховик времени отматывает на определённый срок. Все картинки воспроизводятся перед внутренним взором. Страх. Боль. Неизвестность. — Я просто часто покупаю у неё соленья. Она замечательная девушка. После учёбы помогает матери, такая трудолюбивая, — закусила нижнюю губу, до последнего сражаясь с желанием прямо здесь, в приёмной отделении, перед Наташей разрыдаться.

Почти десять лет назад я поступила в отделение Руслана

Николаевича [1] с кровотечением на двадцать девятой недели — отслойка плаценты. Этот человек вошёл в мою жизнь, как ангел-хранитель, а Наташа моим талисманом на удачу. В последнее время мы общались только по работе, ведь, часто линейная бригада доставляет рожениц в городской перинатальный центр.

— Не переживай, — Наташа [2] мягко сжала моё плечо, — скину сообщением.

— Не надо, — я с трудом проглотила вязкий ком в горле. — Просто навеяло...

— Ты родила здорового Ромочку, — она улыбнулась, и вокруг её глаз и рта появились милые морщинки. Такая улыбка и лучезарная. — Всё хорошо, Валь.

Я кивнула, скорее, машинально, чем, соглашаясь.

Воспоминания накатывали до удушливого спазма, подёрнутые сизой дымкой прошлого.

Наташа всегда умела найти нужные слова, но сегодня они словно отскакивали от невидимой стены, возведённой моим неприятием.

В этот момент меня окликнула Любка, моя коллега, которая только что закончила мыть машину после последнего вызова. Кровь... Её было слишком много. Слишком много для одного дня. Пришлось задержаться и тщательно продезинфицировать салон, благо новых вызовов пока не поступало.

— Валь, долго ещё? Может, перекурим? — Люба вышла

из машины, громко хлопнув дверью.

— Никотин не спасёт, — я передёрнула плечами, глядя на сигарету в её руке. — Хочу завязать.

Она удивлённо изогнула свою идеальную смоляную бровь:

— С нашей работой? — в её голосе слышалось искреннее недоверие. — Сама-то веришь в это?

Я вздохнула, глядя, как дым от её сигареты медленно растворяется в воздухе. Действительно, с нашей работой бросить курить — задача не из лёгких.

— Просто... Хочется верить, что можно жить без этого, — как-то сипло произнесла я, отворачиваясь к машине.

— Верить можно во что угодно, — философски заметила Люба, затягиваясь. — Но пока мы в костюмах Аватара [3], лучше держаться за то, что помогает, — она выпустила струю едкого табачного дыма. — И хватит уже хандрить. Девка родит. Верь в это.

Холодный пот пробежал по позвоночнику, когда я посмотрела на проклятую подножку. Достав из кармана пачку влажных салфеток, я вытерла следы крови.

Люба не скупилась на «комплименты», критикуя мою эмоциональную восприимчивость, и что-то бормотала о необходимости иметь толстую кожу. По её мнению с такими нервами я скоро окажусь в психиатрической больнице, если буду воспринимать всё близко к сердцу.

Через полчаса мы уже были на подстанции. Пока Люба

отчитывалась как старшая по бригаде, я направилась в комнату отдыха. Открыв дверь, едва не столкнулась с Настей, которая буквально вылетела из помещения.

— Привидение увидела? — воскликнула я, отскакивая на шаг и прижимая руку к груди.

— Вызов, — пробормотала она что-то невнятное и помчалась в сторону диспетчерской.

Я проводила взглядом свою однокурсницу и вошла в комнату. На одном из диванов лежал Леонид — мой муж. Судьба распорядилась так, что мы все работаем вместе. Правда, он трудится неврологом в специализированной бригаде, и его смена скоро закончится.

— Вот дурочка, — сказала, не скрывая раздражения. — Пояс с препаратами забыла! За такое... — я осуждающе покачала головой.

Муж, не открывая глаз, лишь хрипло и недовольно пробормотал:

— Отдай, и всё будет нормально. Чего тут такого?

— Это мы с тобой такие хорошие, — укоризненно заметила я. — Другие бы...

— Просто отдай, и не создавай проблем, — вздохнул он. — У меня за смену вызовов хватает, где все ждут невозможного. Я же не Бог и даже не его помощник.

Не став спорить, я развернулась на пятках и пошла искать Настю. Та стояла бледная как смерть, когда я протянула ей пояс. Даже не стала проверять количество ампул — может,

что-то действительно случилось? Настя всегда была тихой и нервной на курсе, так что её состояние не удивляло.

— Спасибо, — тихо произнесла она, опустив взгляд, и вместе с напарницей направилась к машине.

Люба уже закончила свои дела и, подхватив меня под руку, заговорщически пропела:

— У меня такие куриные котлетки с пюрешкой! Давай зайдём, поедим? Ну, пожалуйста!..

— Ладно, — согласилась я. — А Лёньке хватит?

— Ой, вечно ты со своим красавчиком, — фыркнула она. — Ни словечка не поболтаем.

— Я обед дома забыла, — призналась с досадой. — А ему ещё полтора часа работать.

Диспетчер объявил о вызове для специализированной бригады.

Леонид вышел из комнаты отдыха и уверенным шагом направился к нам. Бросил на Любу серьёзный взгляд, а мне достался формальный, почти механический поцелуй в щёку.

— Вот какого красавца отхватила, — протянула Люба, провожая его облизывающим взглядом. Заметив моё изумлённое выражение лица, она рассмеялась. — Валь, да ты что, ревнуешь? На голодный желудок — мысли всегда мрачные. Я уже договорилась, нам выделили полчаса на обед.

Глава 2

— Наконец-то домой, — устало произнесла Люба, вытирая бумажным одноразовым платком бисеринки пота со лба.

— *Наконец-то*, — повторила безэмоционально за ней.

— Валь, — она присела на пластиковый стул, что давно забила под себя в общей раздевалке. — Мне не нравится твоё эмоциональное состояние. Может быть, попробуешь поговорить с психологом? Как-то ты слишком резко реагируешь на... — осеклась. — Наша профессия, если по-простому, не реветь в три ручья над пациентом. Холодная голова и не трясущиеся руки. Лицо кирпичом и минимум разговоров до полного выяснения диагноза. Если мы будем прыгать как при эпилептическом припадке каждый раз, то впору нам уже вызывать специализированную бригаду. Ты не маленькая, чтобы не понимать очевидного — в городе трудно устроиться с нашим *фельдшерским делом*. Две подстанции трещат от выпускников. В этом году еле-еле две квоты выбил главный. Ну там действительно ребята толковые, чтобы разбрасываться такими *мозгами*.

— Прости, что? — я настолько глубоко погрузилась в свои ощущения, что половину прослушала.

— В семье нормально *всё*? — многозначительно поиграла бровями, выдавив едкую ухмылку.

Личный вопрос я встретила с нетипичной для себя реак-

цией — раньше мы частенько разговаривали *о том и о сём*. Часто шутили, примешивая матерные словечки. И что же изменилось?.. По ощущению она будто бы залезла в нашу с Леонидом постель и улеглась посередине, как тошнотворный семейный психолог. Не скажу, что у нас как-то плохо в интимном плане. Секс есть и вполне сносный.

— Люб, у нас всё хорошо, — закинула в рот две подушечки мятной жевательной резинки.

— Психолог начинает работать с девяти, — взглядом стреляет по настенным часам. — Могу с тобой...

Господи, как же она мне надоела со своими намёками и плясками у догорающего костра:

— Да, мне не понравилось, как ты пялилась на задницу моего мужа, — сложила руки на груди. — Я же не смотрю на... Кто там у тебя сейчас? Компьютерщик? Мент? Тебе было бы приятно?

Люба покачала из стороны в сторону головой. Она никогда не кричит — проявление лишних эмоций для неё моветон. Взглядами, жестами, учащённым дыханием... Словами — табу!

— Помнишь, мы обсуждали мой первый раз? — усмехнулась, кривя малиновыми губами. — Я тебя не стеснялась. Мне было больно, когда... Ты меня поддержала и никому не проболталась. Отвела меня к гинекологу, а там три разрыва. Купила мне мазь и антисептик за свои деньги, потому что у меня их попросту не было.

— Ты хочешь сказать... — покатала на языке следующие слова, но они отдали гнилью и как-то так и свернулись противными комочками.

— Я ничего не хочу сказать, — она шумно выдохнула, а затем продолжила: — наверное, сама загляну к психологу.

— Дело твоё, — бегло прочитала сообщения на телефоне, — ладно, побегу.

— Пока-пока, — на лице Любы появилась беззаботная улыбка, к которой я привыкла с самого первого курса. Вот только сейчас она виделась для меня в ином ракурсе — поощрительно для непонимающего ребёнка, когда его фантазии выслушивает более зрелый собеседник.

Если подруга вспомнила про свой первый раз, то я не хочу воспроизводить прошлое. Я однажды тоже плакала у неё на коленях. Первая влюблённость практически всегда оставляет после себя рубцы. Столько лет прошло. Зачем всё *это* вспоминать?

Я едва доползла до дома после смены, чувствуя себя, как пропущенный кусок мяса через мясорубку. Перед глазами всё ещё мелькали кадры прошедших суток, словно калейдоскоп из бесконечных вызовов. Люба права — случай с девушкой меня не отпускал, потому что затронул струны моей души.

Возможно... Возможно я слишком сентиментальна к чужому горю. Но если я буду роботом, то ради чего я вообще училась?.. Разве, моя задача доставить пациента в больни-

цу и сразу же переключиться? Формально так. Всё так.

В спальню буквально впорхнула, как бабочка на привлёкший её огонь — хотелось обнять мужа и почувствовать его тепло, которого так не хватало. Никакое сообщение не заметит физический контакт. Мне мало. Всегда мало. А ему... Ему достаточно секса через день, а иногда и через два дня.

— Сколько сейчас? — сонно спросил муж, переворачиваясь на спину.

— Начало девятого, — обняла его, обволакивая его обнажённое тело своим. — Извини, что разбудила. Вроде бы я тихо... — подушечкой пальца прикоснулась к напряжённому соску, а затем пальцем прочертила невидимую линию до пупка и до... вялого пениса. Странно. Если он спал, то должен быть... Наша работа никого не щадит — всё во благо, но редко, когда себе.

— Успела принять душ? — перехватил мою руку и поднёс к своим губам. Потёрся ими, а только потом поцеловал. Мягко. Нежно. Не торопись. Сегодня суббота — и завтра у всех выходной.

— На работе, — улыбнулась и смежила ресницы.

Через пару секунд я уже лежала распластанная под мужем. Долго тёрлись губами. Дышали друг другом. Я сама себя раздела, когда муж всё-таки перекатился на бок, чтобы достать из тумбочки фольгированный квадратик.

— Хочу сверху, — хрипло озвучиваю своё желание временно доминировать над ним. В постели не должно быть

стеснения. Хотя что-то личное. Сугубо личное. То, что хранят в себе тайны только два сердца.

— Давай, — Леонид хлопает себя по бёдрам. — Не торопись, а то быстро кончу.

Я кивнула.

Как мне показалось, что я эротично проделала путь от края кровати. Перекинула ногу. Приподнялась над полуэрегированным членом и медленно насадилась. Слова не сказала, что что-то не так. Но по его мимике поняла многое — пойдёт точно не по плану, который я наметила в своей голове.

Пару движений вверх-вниз — и он опрокинул меня на спину, вколачиваясь в быстром темпе. Самостоятельно стимулируя сосок левого полушария одной рукой и второй тугую горошинку клитора, быстро пришла к своей кульминации.

У нас есть секс. У нас всё хорошо. Просто у каждого свой подход.

И только я потянулась за поцелуем — муж напрягся и с тихим шипением кончил в презерватив.

Когда Леонид вернулся в спальню после душа, я ещё лежала в постели и смотрела в потолок. Я должна спросить:

— У тебя всё хорошо? Мне показалось, что тебе было больно, — повернула лицо и посмотрела в его глаза.

— Чушь, — матрас продавился под тяжестью его тела рядом.

Чушь, чушь, чушь...

— Слушай, мы с каждым годом не молодеем, — пропустила смешок. — Понимаю, что *мужские индивидуальности* проявиться могут в столь раннем возрасте. У меня есть знаковый уролог. Давай... — но меня некорректно заставили замолчать.

— Хватит! Сказал, что всё хорошо! — агрессивно растёр лицо ладонью. — Прости, Валь. Сорвался. Работа... Докончала. Заведующий в неврологии обещал мне позвонить, как появится место. Не могу на скорой. Не могу... — и посмотрел на меня стеклянными безжизненными глазами.

— Ты серьёзно? — облизала губы.

— Вполне, — закинул руки за голову. — Кстати, что там у тебя сегодня было? Что за вызов?

— Кровотечение. Родоразрешать рано, — белки глаз словно обожгло.

Плакать нельзя, нельзя, нельзя...

— И что? — как-то раздражённо буркнул он.

Я привстала на локте и заглянула в его глаза — тот же равнодушный штиль.

— Помнишь, когда у меня?.. Ты так же спокойно сидел и занимался своими делами? — закусила нижнюю губу, чувствуя, как лицевые мышцы дают рябь.

— Это жизнь, — сцепил зубы. — Жизнь – сука ещё та, чтобы подставлять под удары обе щеки.

— Значит, спокойно, — констатировала прямолинейно,

откинувшись на спину. — И чем же ты был занят? Ммм? Пылесосил? Посуду мыл? Я бы себе места не находила.

— Бл*дь, — устало выдохнул он. — Может быть, ты хотела подвести меня к тому, что я не так тебя трахаю?.. Мало? Быстро? Ммм? С Любкой сплетничаешь обо мне? И как? Сочувствует? Или подкидывает идеи? Ты вон как резво скачешь на мне, чего не было с нашего первого раза.

Боже... Он с ума сошёл?.. Наш первый раз был обоюдный. Оба невинны. Оба пробовали. Познавали друг друга. Наивные. Молодые. Неопытные.

— Дурак, — отвернулась от него, потому что из глаз брызнули слёзы.

Глава 3

С мужем не разговаривали неделю — наверное, это самый большой срок за всю нашу совместную историю. Не понимала, почему Леонид сторонится и всячески демонстрирует, что у него всё порядке. Однако, по моим наблюдениям, походы в туалет *затягиваются*. Я взяла на себя полную ответственность и позвонила своему знакомому. Нечего тянуть кота за яйца, когда не только стыд, но и мужское здоровье на кону. К чему эта зашоренность и предрассудки? В нынешней окружающей ситуации многие болезни *помолодели* — пока не поздно, можно многое развернуть на сто восемьдесят градусов и на долгие годы забыть о недуге.

— Пап, я хочу день рождения отметить в «Атмосфере».

Жуя бутерброд с сыром, Рома посмотрел внимательно на отца. Несколько секунд спустя добавил:

— Ребята там часто празднуют — весело, в принципе, — и тут же перевёл взгляд на меня. Я же частенько выступаю в *группе поддержки* для него.

— Это где шарики и батуты? — раздражённо бросил Леонид. — Взрослые же лбы.

Сын насупился, но продолжил доказывать, что там *круто*:

— Мои друзья из баскетбольной команды тоже будут, — сложил руки на груди. — Мама уже разрешила... И я думал...

Муж грохнул кулаком по столу. Посуда подпрыгнула. Я и Ромка синхронно встрепенулись.

— Сын, доел? — низко и угрожающе хрипло обратился к нему. На скулах Леонида заходили желваки, да и вены на бицепсах надулись. Вся его поза *кричала*, что скандала не миновать.

— Угу, — буркнул сын и сочувствующе посмотрел на меня.

Как же я чувствую на своей шкуре вину! Должна была подготовить Леонида к разговору с сыном, чтобы разногласий было меньше. Мы ему уже как года два обещали отпраздновать его день рождения в «Атмосфере». Как-то муж сам обмолвился, что отпразднуем юбилей сына (10 лет). Правда, сейчас вновь не самое подходящее время из-за финансовой нестабильности. Если Леонид перейдёт в больницу, то первое время ему не будут платить дополнительные дотации к заработной плате. А у нас как у всех — *снова то одно, то другое*.

— Лео, — обратилась к мужу с мольбой в интонации. — Я хотела... — отвела взгляд, чтобы не смотреть ему в глаза. — Мы не разговаривали.

— Дело не в том, что мы не разговаривали, Валь, — его голос прозвучал отчуждённо. — Сын действует через тебя, а ты ему потакаешь в его желаниях. Вырастет бабой. Ты этого хочешь? Вспомни наше детство — ни гаджетов, ни батутных центров, ни сопливых вздохов разочарования, если получа-

ли отказ от родителей. Читали книги, гуляли во дворах, и...

— Получали по заднице ремнём, — насмешливо закончила фразу за него. — Давай выкинем цветной телевизор, продадим хорошую машину, обменяем смартфоны на полифонию и откажемся от поездки в Турцию — раньше же все в деревню к бабушке ездили. Вот только ты запомнил, что наши бабушки и дедушки перебрались в город основательно. В лагерях непонятно, что творится. Вспомни тот случай с вожатыми, когда они чуть не утонули... — запальчиво попыталась объяснить свою позицию.

— Ты лезешь в воспитание сына! — второй удар по столу несколько меня отрезвил и *обозлил*.

— Нашего сына, — не удержалась от язвительности. — В зачатии участвовало двое.

— Не надо мне тут, — махнул рукой, словно из моего рта вылетают глупости пулемётной очередью. — Валь, ты прекрасно понимаешь о чём я!

— О чём?! — повысила голос я. — О том, что мужчины должны воспитываться безэмоциональными существами? О том, что мужчина всегда главный в семье? О том, что любая серьёзная болячка мужчиной должна восприниматься, как комариный укус?

— Не угомонилась, да, — прикрыл глаза правой рукой.

— Ты — мой муж. Забыл? — скрестила руки на груди, ухмыльнувшись от досады. По ощущениям в грудь будто нож вогнали. Проворачивают неспешно, наслаждаясь агонией в

моих глазах.

— Есть вещи, которые тебя не касаются, — не меня положения тела, буркнул в ответ. — В частности, моего члена.

— *В частности твоего члена*, дорогой, — наклонилась я. — Очень даже касается.

— Как ты меня... — с грохотом отодвинул стул и поднялся, — ... За*бала, — конец его фразы я услышала уже в коридоре, когда пошла за ним в нашу комнату.

Какие же мерзости он говорит! Как так вообще можно разговаривать? Да, мужчины на подстанции скорой помощи часто матерятся и, порой, заменяют многие фразы между собой. Но когда с ними женщина, то превращаются в *джентльменов* и никогда... Никогда не позволяют даже сквозь зубы сказать слово на букву «б».

— Леонид, — окликнула его. — Ты записан сегодня на пять к врачу. Сходи, пожалуйста. Я переживаю не только за нашу половую жизнь, но прежде всего за тебя. Уверена, что ты бы тоже поступил так в отношении меня.

Молчание стало затягиваться. Давить на уши. По миллиметру отрезая плоть равнодушием. Дышать трудно. Глаза слезятся. *Ну же!..*

— Хватит. Меня. Пилить, — процедил сквозь зубы. — Надоело.

— Почему все наши непонимания крутятся *вокруг*, — кивнула на его бёдра, — смешно.

Ещё пару минут мы обменивались наблюдениями каждый

со своей стороны, не принимая доводы друг друга. Я психанула — отменила запись, а он собрался к своим родителям вместе с Ромой. Внутри всё клокотало от ярости. В сердцах выкрикнула, что он давно не маленький мальчик, чтобы искать успокоения у матери, раз такой МУЖИК. Наговорила многое, за что стыдно. Наревелась, когда *мои мужчины* покинули квартиру. А потом позвонила Любке и напросилась с нею в торговый центр — раз осталась одна, да и варить борщ уже не хочется.

Глава 4

— Пятого встреча выпускников. Я пойду, — Люба задумчиво посмотрела на меня, а затем забарабанила указательным и средним пальцами по губам. — Платье придётся покупать. В прошлогоднее уже не влезу. К сожалению, меня не одарила природа генетикой, чтобы даже после родов не раздаться вширь.

— Так, ты не рожала, — дёрнула уголками губ, мысленно прикидывая, как же мне отвертеться от данной встречи. Наша группа, конечно, весёлая — многие до сих пор поддерживают крепкие дружеские отношения.

— Не рожала, — пожала плечами она.

— Обиделась? — дотронулась до её предплечья. — Мне, правда, очень жаль. Не хотела как-то тебя задеть. Мы часто с тобой шутим на эту тему. Прости.

Моему разочарованию в себе нет границ, словно за ними целый кислотный океан. Гадкое чувство взорвалось за грудиной, подобно бомбе из дурно пахнущей субстанции. Дошло до горла — да, так и захлебнулась своей горечью отворачивая к самой себе.

— Мы расстались, — в глазах подруги заблестела солёная влага. — Думала, что он мне предложение хочет сделать. Такая счастливая сидела. Правую руку протянутой держала, как собачонка, жаждущая ласки. А он мне прямым текстом

заявил: *«Секс у нас ништяковый, и ты мне нравишься... Кажется, я нашёл ту, с которой хочется создать семью»*.

В такой многослойной сложной ситуации, сотканной из боли и предательства — лучше промолчать и дать выговориться. Во внимание не беру-то, что мы едем на вызов. Минут пятнадцать ещё есть по пробкам.

— Говорю: «Надевай кольцо, и я покажу тебе небо в алмазах», — тыльной стороной ладони смахнула крупную слезинку со щеки. — Оказалось, что этот мудака встречался сразу с двумя — и выбрал в итоге другую. Когда он закончил обливаться моей наивную голову помоями, я встала и вывернула на него весь свой салат.

Выдохнув через стиснутые зубы, решила хоть что-то сказать, чем поддерживать своё присутствие равнодушным молчанием:

— Не все такие козлы, — подумав, добавила. — Своё счастье ещё встретишь.

— Ага, на хромой кобыле, — улыбнулась сквозь слёзы она. — Ты же со мной пойдёшь на встречу выпускников? Я как бы осталась без пары.

Не люблю я посиделки и задушевные беседы о том, что было и могло бы быть — а ещё я не хочу видеть одного человека, которого тщательно избегала все эти года. Люба, словно почувствовала, куда занесли меня мои же мысли — пропустила грустный смешок и сказала:

— Просекина не будет, — покачала головой из стороны

в сторону, снова улыбаясь. — Валь, всю жизнь тебе завидовала... А надо было... Эх, — махнула на меня рукой, когда мы уже подъехали к городскому пруду напротив отделения полиции.

Я хотела задать уточняющие вопросы — чему она завидует? Почему Просекин точно не придёт?.. Всё домыслы так и остались не озвученными.

По приезде на место картина предстала типичная: мальчик лет десяти сидел на скамейке, обхватив ногу. Рядом суетилась встревоженная мать. История банальна — упал с электросамоката, пытаясь избежать наезда на детскую коляску. Испуг, паника, неудачное приземление — и вот результат: закрытый перелом голени.

Вздохнув, я начала заполнять карту вызова, пока Люба готовилась к транспортировке. Мысли невольно крутились вокруг участвовавших случаев травматизма. Когда же закончится этот сезон проката? Каждый день новые вызовы: переломы, ушибы, сотрясения. И ведь большинство травм происходит из-за банальной невнимательности или, наоборот, чрезмерного испуга, когда человек не знает, как правильно среагировать в критической ситуации. А эти любители кататься вдвоём на одном самокате? Просто находка для травматолога.

— В травму закинем мальчика с матерью, а потом на обед, — пробормотала Люба, проверяя носилки.

Внезапно в голове мелькнула тревожная мысль. ВИЧ? Ге-

патит? Нет, это невозможно... Но что, если... Леонид ведь мог не сказать, если что-то произошло во время вызова. Профессиональная паранойя? Возможно. Но лучше перестраховаться.

— Люб, а ты в прошлом месяце у дежурного сдавала кровь? — вопрос вырвался сам собой. О том, что меня беспокоит именно ВИЧ, решила умолчать.

— Нет, — Люба отрицательно качнула головой. — Только флюорографию через два месяца нужно будет сделать. А то главный опять начнёт мозги полоскать.

— Главный... — задумчиво протянула я. — Да, это он может.

Кабинет главного врача Петра Петровича всегда напоминал мне металлическую клетку. Здесь не было места улыбкам и приветствиям — только холодный профессионализм и железная дисциплина. Военный до мозга костей, он и в гражданской медицине сохранил все черты своего характера: строгость, бескомпромиссность и полное отсутствие сантиментов.

— Валентина? — его густые седые брови слегка приподнялись. — Что случилось?

— У моего мужа подозрение на ВИЧ? — голос зазвенел от напряжения.

Пётр Петрович тяжело вздохнул, отложил кипу бумаг и подошёл к окну. Заложив руки за спину, он произнёс своим характерным, лишённым эмоций тоном:

— Пока ничего не подтвердилось. Риск заражения есть, но он минимален. Я рекомендовал соблюдать меры предосторожности, использовать презервативы, сдавать анализы каждые два месяца и не поддаваться панике преждевременно. К тому же, беременность вы не планировали, а бытовым путём вирус не передаётся.

— Как это произошло? — ноги подкосились, и я инстинктивно схватилась за спинку стула.

— Наркоман практически плюнул ему в лицо. Анализы подтвердили его ВИЧ-статус.

— Почему мне не сказали? — пересохшие губы с трудом выговаривали слова.

— Леонид решил... — Пётр Петрович нахмурил брови, оглянувшись через плечо. — В любом случае, риск заражения...

Я не дослушала. Ноги сами понесли меня к выходу. Голова кружилась от обрушившейся правды, к которой я оказалась совершенно не готова. Добежав до раздевалки, я дрожащими руками разблокировала телефон.

Один гудок, второй, третий...

— ВИЧ? Серьёзно?! — голос сорвался на крик. — Леонид, это твоя единственная ложь? Или мне стоит беспокоиться о том, что вторую ночь подряд ты ночуешь не у матери, а где-то ещё?

Глава 5

Тук-тук-тук...

Кожа уже горит оттого, как я усердно тру её мочалкой под струями горячей воды.

Тук-тук-тук...

Дышать тяжело в горячем облаке пара.

Тук-тук-тук...

Сердце не хочет подчиниться заложенной генетике человеческого кровообращения и биться в том ритме, который сохраняет организм для нормального состояния... Нормального... Состояния... *Тук-тук-тук.*

На разгорячённую кожу легла прохладная вуаль, когда в ванную комнату открыли дверь. Рома бы не стал, — он давно так не делает. А значит посягнуть на моё одиночество, которое мне необходимо даже больше чем глоток воздуха, способен только один человек.

Тук-тук-тук...

Леонид толкнулся крепкими бёдрами мне в ягодицы. Провёл руками по моим бокам, обозначив границы силуэта. Пару движений. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Смял в ладонях полную грудь, а после накрыл наверхия и прошептал у самого виска:

— Я по тебе скучал.

Вместо возбуждения — отторжение.

Вместо теплоты, что ранее разливалась по венам, словно пузырьки шампанского — холодная корочка льда на нервных окончаниях.

Вместо полного доверия — сомнение.

Оглянувшись через плечо, я посмотрела ему в глаза. Поток воды из душевой лейки не препятствовал нашему зрительному контакту, — не знаю, что он себе там надумал, заниматься сексом в мои планы не входило.

Отреагировал слух, — шорох тканевой шторы; затем звук разрываемой фольги; надсадное дыхание в затылок.

Муж дышит тяжело. Мужское тело позади напрягается как перед броском.

Секунда, одна, вторая.

Тук-тук-тук...

— Рома в комп рубится, а мы по-быстрому, — пропустил колкий смешок, от которого захотелось на стену лезть, но уж точно не наслаждаться процессом.

— Отпусти меня, — слова дались так, как будто во рту месиво стеклянных крошек с острыми гранями. — Отпусти. Меня.

— Я уже резину натянул, — крепко сжал бёдра. — Нам пора мириться, Валь.

Ванная комната — единственное место, где я могу подумать о многом. Вода позволяет смыть не только неприятный липкий пот и чужеродные запахи, но и унести что-то неосознанное нашему взгляду. Мистическое свойство, вдохновля-

ющее, порой, на новый день, чтобы встретить его не в удушяющем приступе безысходности.

Меня этого лишили. Растоптали чувство единства самой с собой. Мне эти полчаса были необходимы.

Леонид не замечал моего состояния, — он нахраписто растолкал мои ноги в стороны. Ещё бы какая-то жалкая секунда, и он бы взял против моей воли. Вот она та тонкая грань, между желанием и принуждением. Жена — не сексуальная кукла для утех, чтобы её поставили в нужную позу. Супружеский долг (*боже, какой дурак придумал такую формулировку?*) — это не каторжная работа. Прежде всего, близость нужна для единения не только тела, но и души.

Мою душу вывернули наизнанку сомнениями из-за недосказанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.